

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ
ГРОЗОВЫЕ ВОРОТА

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т 17

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

*Ранее книга выходила под названиями:
«Рота уходит в небо» и «Один к десяти»*

Тамоников, Александр Александрович.
Т 17 Грозные ворота / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2014. — 352 с. — (Спецназ.
Офицеры).

ISBN 978-5-699-75410-6

Чечня, один из самых драматических эпизодов военной кампании. Роту старшего лейтенанта Доронина высаживают на маленьком пятачке, зажатом с двух сторон неприступными скалами. Бойцам поставлена, в общем, несложная задача: блокировать ущелье и перекрыть возможный выход мелких бандгрупп. Воины надеются, что ничего серьезного не случится. У кого-то остались считанные дни до дембеля, кто-то собирается в отпуск, кто-то ждет письма от любимой. Но из ущелья на позиции роты выдвинулась тысячная группировка Теймураза Костолома! Бой превратился в жестокую бойню. Российские солдаты, несмотря на десятикратный перевес в численности бандитов, остались верны Присяге и до последнего вздоха держали оборону...

Основанный на реальных событиях, роман шокирует правдивостью и жестокостью изложения и оставляет в душе не только боль утраты, но и чувство преклонения перед стойкостью российских воинов.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-75410-6

© Тамоников А., 2014
© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все мы смертные, кроме вечно живых.

Григорий Стернин

ПРОЛОГ

...И вдруг наступила тишина. Едкий пороховой дым стелился плотным, темным туманом над искореженной высотой. Легкий весенний ветер не мог справиться с дымовой завесой, смешанной с отвратительным запахом СМЕРТИ. Только вершины гор, ставшие случайными свидетелями жесточайшей битвы, гордо возвышались над местом боя, недосыгаемые ни для темно-серого смрада, ни для человеческого страдания. Они покрылись ярким весенним нарядом и красовались между собой на фоне чистейшего, безоблачного неба. Им, как и тем, кто развязал это безумие, было совершенно безразлично то, что произошло там, внизу, на уровне, куда интересы их не распространяются. По обоим склонам в самых неестественных позах лежало множество людей, вернее, то, что от них осталось после массивного артобстрела. В одной из воронок, наполовину присыпанный землей, с открытыми, полными навечно застывшей боли глазами, нашел свое последнее укрытие командир роты. Рядом — на расстоянии протянутой руки — догорал обезображенный до неузнаваемости труп капитана-десантника. И чуть поодаль — почти весь

личный состав. Погибший, но не сдавший своих позиций, выполнивший до конца Воинский Долг. А метрах в десяти, не далее, — уничтоженный враг. Смерть смела все, что разделяло их в жизни, — идеологию и вероисповедание, национальность и возраст. Смерть в одно мгновение уравнила всех. И сейчас они лежали, с одинаково искаженными от боли и ненависти мертвыми лицами, с оружием в руках, в непосредственной близости друг от друга. Русский и белорус, чеченец и араб. Солдат Отчизны и платный наемник. Они уже не были врагами. Все они стали жертвами одной войны, одной политической схватки, цель которой — власть. А дым горящих камней, земли и человеческих тел постепенно поднимался ввысь, туда, к неприступным и равнодушным вершинам, унося с собой души погибших. Поднимался, чтобы там, надо всем живым, раствориться в чистом небе, в котором уже стали собираться стервятники, чутко уловившие запах обильно пролитой крови. Они парили, кровожадно всматриваясь вниз, где на безымянной высоте у Косых Ворот в неравном бою погибло сводное подразделение. Рота специального назначения!

Костя проснулся рано, на часах не было и шести утра. Открыв припухшие от обильного ночного возлияния глаза, нащупал рукой возле софы бутылку пива — неременный атрибут его похмельного пробуждения. Сделав несколько судорожных глотков, откинулся на подушку.

Сейчас должна отпустить тошнота, исчезнуть сухость во рту и ослабеть боль, раскалывающая череп пополам.

Он лежал и ждал облегчения. По мере того как похмелье неохотно отступало, к Косте возвращалась способность соображать.

Возникал вопрос, постоянный в такие мгновения, — что было вчера?

В редких случаях по утрам Костя более-менее помнил, что происходило на финальной стадии предыдущей пьянки. По большей части события бурной ночи память не хранила. Наверняка опять чего-нибудь «учудили» напоследок, после безумных, до предела извращенных оргий с девицами на дискотеке «У Паши».

Черт! Как же плохо. Водки бы, граммов сто.

— Мам! — крикнул Костя. — Мам!
Его крик был услышан, в комнату вошла мать.
— Проснулся, чудо?
— Проснулся. Знаешь, как мне плохо?
— Представляю.
— Налей, мам, грамм сто пятьдесят?
— Прямо в постель подать?
— Все равно.
— Тебе все равно. А мне — нет. Поднимайся, там, в холодильнике, есть немного коньяка, но прежде ответь, когда прекратится весь этот бардак?
— Мам, дай прийти в себя. Потом поговорим. Отчим, наверное, на кухне?
— Да, завтракает.
— Опять мораль начнет читать.
— А ты как хотел? Папа занимает высокий пост, я тоже, слава богу, не кухарка, а сын — не пойми что. Ты думаешь, о твоём поведении у нас на службе никому ничего не известно?
— Можно подумать, отчиму в его мэрии за меня мозги чистят.
— А ты думаешь, нет?
— Ладно, пошел я, мочи нет.
Костя, не одеваясь, в плавках, прошел на кухню. Отчим доедал свою яичницу.
— Привет, — буркнул Костя.
— Здравствуй, здравствуй. Что это ты, не умывшись, не одевшись, и сразу в холодильник?
— Похмелиться хочу. — Костя не считал нужным скрывать свои намерения.
Он достал початую бутылку «Арарата», не наливая в рюмку, опрокинул содержимое в себя из горла.

— Фу, — поморщился отчим, — как так можно?

— Молча, папа, молча. Ты денегат случаем не подбросишь?

— Деньги, между прочим, с неба не падают.

— У вас, в мэрии, падают. И не только с неба.

— Эх, Костя, Костя! — Отчим явно не хотел портить себе настроение. — Не пойму я тебя. Имеешь практически все. Не зависим ни от кого. Когда за ум возьмешься?

— Возьмусь, пап. — Костя достал из салатницы дольку помидора, бросил в рот. — Вот погуляю с годик, а потом все — очки на фейс и за учебники. И никаких пьянок. Учеба, учеба и еще раз учеба. Клянусь. Клянусь крутыми кроссовками, которые, кстати, ты обещал мне.

— Как ты хорошо помнишь, что обещают тебе, а вот своих обязательств исполнять не торопишься.

— Всему свое время, пап. И не надо только про свою «совковую» юность плакаться. Наслышан. Так дашь денег? Хоть сотню?

— Спрашивай у матери, она бюджет ведет.

— А ты из внебюджетных? Вон из рубашки так и выпирают! Поделись с больным сыном!

— Больным? Да на таких больных... ладно, пошел я. — Отчим встал, бросая на стол пятидесятирублевую купюру. — Хватит и полтинника.

После этого, поправив галстук, вышел.

— Козел, — произнес Костя вслед, — сам каждый день тысячами таскает, а сотню зажал. Ну и черт с ним. Мамуля подкинет еще. Деньги будут.

Костя присел за стол, закурил «Парламент» отчима. Курить он начал в десятом классе. Сразу и при всех. «Предки» поохали-поохали, смирились.

Курил Костя и думал: что же было ночью? Чем все кончилось? Бухать они начали у «Паши» с утра. Потом потусовались у Эдика. Затем к Валере завалили. У того родители уже второй год за бугром пашут, ежемесячно зеленые шлют на бабу. По-моему, как раз баксы и поступили, иначе чего они тогда в обменнике меняли? Точно, вспомнил — триста баксов.

Потом разъехались. Эдик с Валерой в институты свои, отметить. Он же, Костя, вернулся домой. Домработница Зина заканчивала уборку, и он завалялся спать. Пока удастся проследить ход событий.

Разбудил его тот же Эдик, и они ломанулись к «Паше».

Начали с пива, потом — как всегда. Тогда-то и девочки подкатили. Это он помнил. А вот что было дальше? Какая-то бабеч. Базар с ней. Вместе вроде не пили. Вернее, он один пил. Улица. Дождь. Потом... а вот потом все покрыто, как говорится, мраком. Переспал с ней? Или нет? И что же было дальше?

Костя напрягал извилины, но ничего путного вспомнить не мог.

На кухню вошла мать.

— Ты так и будешь в трусах сидеть?

— А чего? Я — дома.

— Но и дома надо соблюдать приличия. Я хоть и мать, но в первую очередь — женщина. Имей такт.

— Ладно. Сейчас оденусь. Слушай, мам, мне двести рублей надо.

— Что так мало? Мог бы и больше запросить.

— Дай больше, но я вчера занял двести у пацана одного — отдать надо.

— Иди оденься, поговорим серьезно.

— Но деньги дашь? А то неудобно получится.

— Ну сколько тебе одно и то же говорить? Приведи себя в порядок.

— Иду.

Костя зашел в ванную комнату, поплескался теплой водой, намочил зубную щетку, мыло. Бриться не стал. И так сойдет. Прошел в свою комнату, натянул джинсы и майку. Проверил карманы. В одном лежала визитка отчима, Костя всегда носил ее с собой, на ней корявым почерком цифры — телефонный номер и имя. То ли Лида, то ли Люся, то ли Лена — не понять.

С этим разберемся потом.

Сейчас главное — заполучить «бобы» и слинять из дома.

К Эдику. От него и по номеру прозвонить, если тот не объяснит сам, кому принадлежит этот телефон.

— Я готов, мам, о чем разговор поведем?

— Может, хватит придуряться? Естественно, о твоём поведении.

— Ну вот, всегда так. Человеку без нотаций хреново, а тут еще душеспасительные беседы, отчим отчитал уже.

— Кость! Тебе нравится твой образ жизни?

— Нет, конечно. Но это временно. Сама же говорила — лучше перебеситься в молодости, чем потом всю жизнь куролесить.

— Перебеситься — одно, а вот стать алкоголиком в восемнадцать лет — совсем другое.

— Лучше алкоголиком, чем наркоманом, — тоже твои, кстати, слова.

— Не цепляйся к словам.

— Ты — нападаешь, я — защищаюсь. Но, знаешь, честно говоря, мне гулянки тоже уже надоели. Гулять-то хорошо, а вот по утрам... врагу не пожелаешь. Синдром проклятый вконец достал.

— Дала бы я тебе по заднице.

— Э! Это надо было раньше делать, теперь — поздно.

— Давай ложись в постель — отходи. Переболеешь дня два — легче будет.

— Ладно, черт с ним, переболею, но давай с послезавтра. У нас на сегодня и завтра дела с Эдиком.

— И какие могут быть дела у двух бездельников?

— Мы с Эдиком познакомились с девушками, нет, только ничего плохого не думай. На этот раз все чисто и благопристойно. Пригласили их провести время вместе на природе. Согласись, не можем же мы кинуть их? Как я буду выглядеть, если завалюсь в постель? Разве так поступают? А послезавтра — все! Шабаш! Ложусь и отхожу. Честное пионерское. Тем более стимул есть — отчим обещал кроссовки.

— Я сейчас позвоню Эдику и проверю правдивость твоих слов.

— И подставишь меня. Нет, ты, конечно, можешь позвонить, но как после этого будут говорить обо мне? Маменькин сыночек? Подъюбочник?

— Ладно. Поверю тебе, в последний раз поверю, но послезавтра — ты мой. Все, что бы я ни потребовала, будешь выполнять беспрекословно, согласен?

— Согласен. Но условие на просьбу. Я не могу явиться в компанию без денег, дай пятьсот рублей?

— Мне помнится — ты просил двести?

— Двести — долг отдать, три сотни — на природу.

После некоторого раздумья Анна Сергеевна достала банкноту.

— Хорошо. Вот тебе деньги. Но, учти, послезавтра...

— Я все учел, все, мамуля. Извини, мне пора.

Костя, сунув деньги в карман, выбежал из дома.

Осадившись пивком, направился к Эдику.

Мать Кости — декан исторического факультета педагогического университета, — строгая ко всем, за исключением, пожалуй, собственного сына, женщина умная, прагматичная и расчетливая. Анна Сергеевна в свое время и замуж за офицера — Костиного родного отца, погибшего в Афганистане в год рождения сына, — вышла только ради того, чтобы иметь возможность уйти от забот многолетней семьи, из которой была родом. Все же тогда служба офицера еще была одной из престижных и, что немаловажно, неплохо оплачиваемой. То есть замуж мать Кости вышла по расчету и после гибели мужа траур долго не носила. Работая в школе, Анна Сергеевна сделала все, чтобы найти себе достойную пару. И результатом трудов стал брак с заведую-

щим одним из отделов горкома партии, мужчиной значительно старше ее, который обеспечивал ей и сыну безбедную жизнь и продвижение по службе самой Анне Сергеевне. Вскоре она становится преподавателем тогда еще пединститута, защищает кандидатскую и получает прекрасную возможность продолжить карьеру, чем и пользуется. Костя знал обо всем в деталях от самой матери, которая с раннего возраста пыталась навязать сыну свои представления о жизни.

Отчим после крушения партийной системы быстренько переоформился в демократа и остался на плаву, занимая высокую должность заместителя главы городской администрации. Деньги он имел никак не соизмеримые с его должностным окладом.

Вот таким тандемом родители Кости воздействовали на него, готовя ему жизнь обеспеченную, беззаботную. И, как это часто бывает, вырастили избалованного, непослушного оболтуса.

После окончания школы Константину была уготована студенческая скамья юридического факультета, несмотря на то что школьные выпускные экзамены он сдал кое-как.

Но Костя продолжать образование не собирался. Он наотрез отказался поступать куда-либо, объясняя отказ тем, что учеба его и так достала и ему необходим год отдыха. Как ни старались Анна Сергеевна и Григорий Максимович, сын настоял на своем.

По правде говоря, Костя при всех его недостатках имел и ряд достоинств. Он не был трусом, ценил дружбу, зла долго не держал, обиды легко про-

шал, умел признаваться в собственной неправоте. И слыл отчаянным, хулиганистым малым, дерзким в словах и поступках.

Может быть, эти качества и позволяли ему быть авторитетом среди сверстников и пользоваться их уважением.

У Кости было много знакомых, но друг — один Эдик, его одноклассник. Он, как и Костя, был парнем рискованным, или, как их нынче называют, экстремалом. Он везде и во всем поддерживал затеи Кости и готов был ради друга пойти на все. Так, по крайней мере, ему самому казалось.

Костя шел к Эдику. Конечно, никакого знакомства не было и поездки на природу тоже не намечалось, просто нужны были деньги. Обманом Костя свой поступок не считал, а относил его к небольшой вынужденной хитрости. Он нес в кармане куртки бутылку водки, зная, что друг тоже по утрам страдает похмельем. Предков Эди сейчас не было дома, и они смогут спокойно оттянуться. А потом «пробить» телефонный номер. Все же интересно, кто такая эта Лида, Люся, Лена?

Обычно Костя давал свой, но это случалось крайне редко, а у девиц, с которыми он проводил ночи, вообще не интересовался ни именем, ни адресом. Тем более никогда не брал ничьи телефоны. У проституток на всех один телефон — номер фирмы интимных услуг.

Почему же на этот раз он записал номер?

Может, Эдя просветит?

Эдик встретил друга радушно.

— Привет, Кость! Заходи! Принес чего-нибудь?